

Завершает сборник публикация новых радиоуглеродных дат для некоторых кубинских древностей земледельческого периода (В. А. Панычев).

В целом совместная работа советских и кубинских археологов, вводящая в научный оборот новые археологические данные, безусловно полезна для многих специалистов по доколумбовой Латинской Америке. Однако название ее — «Археология Кубы» — представляется нам явно не соответствующим реальному содержанию. Сборник — лишь первый шаг на долгом и трудном пути по созданию подлинной картины развития доиспанских культур на территории Кубы.

В. И. Гуляев, Э. Г. Александренков

Примечания

¹ Попова Т. А., Фрадкин Э. Е. Древние культуры Кубы // Сб. МАЭ. 1967. Т. XXIV. С. 147—179.

² Александренков Э. Г. Индейцы Антильских островов. М., 1976.

³ Tabio E. E., Rey E. Prehistoria de Cuba. La Habana, 1966.

⁴ Такая схема была у Э. Табио (личное сообщение 1980 г.); Decal R. M. y Rivero de la Calle M. Arqueología aborigen de Cuba. La Habana, 1986.

⁵ Polish contributions in New World Archaeology / Ed. J. K. Kozlowski. Krakow, 1977; Chronologies in New World Archaeology / Eds Taylor R. E., Meighan C. W. N. Y., 1978.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Мифы, предания и сказки Западной Полинезии (острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума). М., 1986

На русском языке опубликовано уже значительное число океанийских фольклорных текстов. Имеющиеся публикации весьма отличаются друг от друга по качеству. Среди них можно назвать и такой сборник, как «Мифы и предания папуасов маринд-аним», вышедший в той же, что и рецензируемое издание, серии «Сказки и мифы народов Востока» и представляющий тексты, взятые из трудов немецких этнографов-путешественников П. Вирца и Г. Невермана, и в то же время такой сборник, как «Сказки и легенды маори», тексты которого взяты из книг новозеландского писателя-фольклориста А. Риды, составителя сугубо популярных, сильно беллетризованных сборников австралийского и океанийского фольклора¹. Высоким профессиональным уровнем подготовки текстов и широким охватом фольклорного материала выделяется вышедший в 1970 г. все в той же серии сборник «Сказки и мифы Океании», в котором представлены образцы устного повествовательного творчества всех основных групп коренного населения островов Южных морей, в том числе и Западной Полинезии. Однако рецензируемый сборник займет не менее заметное место в ряду изданий полинезийского фольклора и позволит советскому читателю весьма существенно углубить свои представления о нем.

Прежде всего, в отличие от предшествующих изданий — в том числе от упомянутого сборника 1970 г., в котором лишь небольшая часть мифов и сказок переведена с языка оригинала, — подавляющее большинство текстов рецензируемой книги переведено не с европейских, а с полинезийских языков. Составительница сборника и переводчица содержащихся в нем мифов, сказок и преданий М. С. Полинская, лингвист, специалист по океанийским языкам, поставила перед собой очень сложную и благородную задачу попытаться донести до русского читателя стилистический колорит устного художественного творчества островитян и добиться как можно большей точности в передаче содержания 145 фольклорных произведений, отобранных строго продуманно. С этой задачей, требующей исключительно трудоемкой, кропотливой работы, глубоких не только лингвистических, но и этнографических и исторических знаний, а также художественного вкуса, М. С. Полинская справилась весьма успешно. Поэтому ее труд представляет большой интерес как для широкой публики, так и для тех ученых — этнографов, историков, фольклористов, которые прежде были знакомы с образцами полинезийского фольклора преимущественно в английских, немецких и французских переводах, нередко сокращенных и беллетризованных.

Кроме того, составленный М. С. Полинской сборник содержит гораздо более полную подборку самоанских, тонганских и в особенности ротуманских текстов, чем издание 1970 г. В большинстве своем это фольклорные версии, которые ранее на русском языке не публиковались. Что же касается устного творчества коренных жителей острова Ниуэ, то оно представлено в советской печати впервые. И наконец, составительница последовательно выдержала принцип выбирать для перевода наиболее ранние и квалифицированно подготовленные публикации текстов.

Сборник открывается пространном предисловием, написанным М. С. Полинской. В нем приведены исторические, этнографические и лингвистические сведения о коренном населении Полинезии в целом и тех двух архипелагов и двух островов, которым посвящен сборник; дан

подробный анализ представленных памятников устного творчества; подробно охарактеризованы использованные источники. В конце сборника помещены детальные комментарии к каждому тексту с указанием места и времени его записи, автора публикации, языка, с которого сделан перевод. Поскольку во многих случаях содержание имеющихся в сборнике мифов, сказок и преданий строго соотносено с конкретными местностями на отдельных островах Западной Полинезии, постольку в комментариях большое внимание уделено пояснениям географического характера и каждый из разделов книги предваряется географической картой, на которой отмечены упоминаемые в текстах топонимы. В приложении к книге приведены популярные ротуманские, самоанские и тонганские пословицы и поговорки. Наконец, в сборнике имеются глоссарий и типологический указатель сюжетов, составленный на основе общего указателя фольклорных сюжетов С. Томсона и указателя океанийских сюжетов Б. Кертли.

Помимо стилистического своеобразия и несомненных художественных достоинств многих из помещенных в сборнике мифов, сказок и преданий, ценность опубликованных М. С. Полинской текстов также определяется заключенной в них богатейшей этнографической информацией, в том числе такой, которую трудно, а порой просто невозможно было получить европейскому наблюдателю. В ткань фантастических в своей основе фольклорных повествований вплетены многочисленные бытовые реалии. В типично первобытном этиологическом мифе или в волшебной сказке можно найти подробное описание способов плетения циновки или рыболовных сетей, информацию об устройстве жилищ, способах приготовления пищи, погребальной практике; сведения об иерархии социальных статусов и об организации власти, об элементах профессиональной или полупрофессиональной трудовой специализации и т. д. Имеются в сборнике и образцы тех памятников устного творчества, что традиционно служат океанистам важнейшим историческим источником. Подчас они доносят до нас отголоски реальных событий далекого прошлого, которые благодаря точности и глубине генеалогической памяти полинезийцев удается с достаточной вероятностью датировать.

В предисловии к сборнику и в комментариях к отдельным текстам М. С. Полинская неоднократно подчеркивает жанровую синкретичность публикуемых ею памятников, которая отражает нерасчлененность или слитность фольклорных жанров, характерную для всего устного творчества полинезийцев. Возможно, точнее было бы говорить о жанровой многослойности этих произведений: элементы различных фольклорных жанров в них не сплетены, а как бы напластованы и нередко легко могут быть отделены друг от друга.

Океания, и Полинезия в особенности, издавна расценивается этнографами, историками культуры как некий «подарок судьбы»: она дает богатейший материал для последовательной реконструкции ранних этапов развития социальной организации и духовной жизни общества. А полинезийский фольклор, в том числе и памятники, представленные в рецензируемом сборнике, это подарок для фольклористов и религиоведов: в нем нашли отражение различные стадии развития фольклорных жанров, религиозных представлений и, шире, разнообразных способов и средств осмысления явлений окружающего мира и самого человека — от глубоко архаических, сопоставимых с австралийскими и бушменскими, до весьма развитых, сопоставимых с древнеиндийскими или древнегреческими. Сравнивая сюжеты, записанные на различных островах и архипелагах Западной Полинезии, и даже произведения, записанные на одном и том же острове, можно видеть, как на основе древних первобытных мифов, сказок и быличек вырастает космологическая и космогоническая мифология, формируются волшебные, животные и богатырские сказки, а также исторические предания — предтеча героических эпических сказаний. Здесь как бы представлен вертикальный срез, показывающий последовательность исторического развития фольклорных жанров.

Среди персонажей западнополинезийских мифов, сказок и преданий можно встретить и животных, и фантастических зоо- и антропоморфных существ, подобных полуживотным-полулюдям из сказок Юго-Восточной Австралии; и духов, подобных папуасским демам; и богов, олицетворяющих различные стихии, богов-созидателей, аналогов которым находят в мифологиях классовых обществ; наконец, героизированные образы вождей или просто выдающихся воинов, некогда действительно живших на островах и прославивших себя ратными подвигами.

В наиболее архаических, чаще всего зооморфных образах полинезийского фольклора некоторые исследователи видят даже отголоски тотемических представлений². В сугубо предположительной форме об этом пишет и М. С. Полинская (с. 30, 31). Хотя та осторожность, с которой она употребляет термин «тотемизм», очень импонирует, отметим все же, что, на наш взгляд, явных указаний на тотемические верования в текстах, опубликованных в рецензируемом сборнике, а также в сборнике 1970 г. нет, если понимать под тотемизмом не просто веру в некое мистическое родство животных (или растений) и человека, как это нередко делают фольклористы, а сложный комплекс представлений, в котором самое существенное — отождествление определенных видов животных, растений, неодушевленных предметов, явлений природы с определенными человеческими коллективами, как правило, очень немногочисленными и основанными на родственных отношениях³.

А вот этиологические мотивы целого ряда западнополинезийских фольклорных рассказов, особенно рассказов острова Ниуэ, отчетливо перекликаются с этиологическими мотивами первобытных мифов австралийских аборигенов. Примером могут служить сюжеты, в которых внешние признаки тех или иных животных объясняются как результат различных повреждений, некогда полученных в ожесточенных драках. Так, панцирь у черепахи — это камень, которым в драке в нее запустили и который навечно прилип к ее спине (астрал.); голова у птицы *века* потому наполовину лысая, что когда-то она получила глубокую рану в затылок (о. Ниуэ) и т. п.

Но наряду с довольно примитивными, часто наивно-фантастическими и сугубо конкретизированными представлениями, а также немудреными фабулами в сборнике можно встретить весьма

сложные сюжетные коллизии и образы, и даже отвлеченные понятия, такие, как Даль, Бесконечность, Простор, Дух, Мысль и т. п. Правда, складывается впечатление, что наличие таких абстракций в фольклорных повествованиях не общеполинезийское явление, как пишет М. С. Полинская в предисловии (с. 23), а особенность лишь части записанных на архипелагах мифов. Эта особенность есть следствие проделанного жрецами переосмысления народных мифологических представлений и предпринятой ими систематизации древних сюжетов⁴. «Вторичные» мифологии отличает большая стройность, логичность изложения, более отчетливая соподчиненность событий, продуманная иерархия образов богов или других мифических существ, олицетворяющих те или иные явления природы или социальной действительности. К числу таких «вторичных» мифов, вероятно, принадлежит и самоанский миф об эпохе творения (№ 23), из которого взяты приведенные выше абстрактные понятия и который занимает в сборнике совершенно особое место.

И зооморфные мифические существа, и различные духи, и культурные герои, и боги при всей их фантастичности почти во всех содержащихся в сборнике повествованиях наделены также свойствами обычных людей. Поступкам мифических и сказочных существ сплошь и рядом приписываются те же мотивы, что движут человеческими действиями, и мифические, сказочные герои нередко испытывают давление тех же социальных законов, что и создатели фольклорных памятников. А в художественных приемах, с помощью которых человек — его чувства, поступки, взаимоотношения с окружающими — находит отражение в западнополинезийском фольклоре, также, по-видимому, можно выделить и глубоко архаические и стадийно более поздние черты.

Персонажи первобытных мифов, подобных опубликованным на русском языке мифам австралийских аборигенов из племени викмункан⁵, ассоциируются с различными видами животных, растений, с неодушевленными предметами, природными явлениями (ветер, молния, гром и т. д.). Вместе с тем они мужья и жены, родители и дети, сородичи и соплеменники. Это культурные герои, деминуги, совершающие могущественные акты творения. В то же время они едят, спят, добывают и готовят пищу, женятся и рожают детей, ревнуют и завидуют, ссорятся и дерутся, как обыкновенные люди. Но хотя в первобытных мифах находят отражение человеческие взаимоотношения и человеческие чувства, в них нет разнообразия индивидуальных человеческих типов, сколько-нибудь отчетливо очерченных характеров, художественных образов, олицетворяющих те или иные личностные качества. Отсутствуют определения типа «злой», «добрый», «храбрый», «веселый», «мрачный», нет ни одобрения, ни осуждения поступкам действующих лиц. Первобытные мифы можно назвать морально индифферентными и обезличенными. Отсутствует распространенный в фольклоре более поздних эпох прием выражения отношения рассказчика к происходящим событиям в виде конечного результата сюжета — победа доброго начала над злым, того, что считается правильным, над тем, что считается неправильным.

Эту особенность, уходящую корнями в глубокое прошлое, можно уловить в отдельных западнополинезийских сюжетах или же в некоторых фрагментах ряда повествований (в первую очередь ниуанских, по-видимому, наиболее архаичных). Вместе с тем в анализируемых текстах, как и в полинезийском фольклоре в целом, виднейшее место принадлежит образу, который, будучи мифологическим культурным героем, имеет и отличительные индивидуальные качества, представляет уже определенный художественно индивидуализированный тип, например упомянутый выше Мауи — плут, шутник, трюкач. Возможно, это самый древний «характер» в словесном искусстве⁶. Черты трикстера присущи центральному образу таких глубоко архаических мифов, как бушменские, — Цагну, который вместе с тем ассоциируется с одним из видов насекомых (кузнечиком или цикадой). Мифологический плут, в том числе и полинезийский Мауи, во многих случаях изображается с первобытной «моральной индифферентностью» — он ни добр, ни зол, он и вредит и помогает окружающим, его действия сплошь и рядом идут вразрез с традиционными представлениями о правильном и разумном поведении. Но они не осуждаются и, даже напротив, можно полагать, что его хитрость, ловкость, несурзные проделки и выдумки обеспечивают ему сочувствие создателей мифа или рассказчиков: чаще всего он выходит победителем из столкновений с другими персонажами, успешно избегает разнообразных опасностей, преодолевает препятствия, стоящие на его пути в самых рискованных предприятиях, словом, ему сопутствует удача.

И наконец, в целом ряде текстов рецензируемого сборника отчетливо проступают элементы сказочной или эпической идеализации центрального персонажа, противостоящего темным силам. Либо богатырь, сильный воин, обладающий сверхчеловеческим могуществом или чудесным оружием и избавляющий людей от злобных чудовищ, великана-людоеда, жестоких завоевателей-чужеземцев и др. Либо это обычный человек, иногда даже ребенок (в последнем случае М. С. Полинская видит трансформацию меланезийского сюжета о «бедном сиротке»), который хитростью и при поддержке доброжелательного существа, наделенного волшебной силой, избегает гибели, уготованной ему злобным духом или враждебным могущественным правителем, а потом завладевает принадлежащими противнику сокровищами или ценными знаниями. Порой встречается мотив самопожертвования героя (героини) ради спасения либо кого-то из родных, либо всех обитателей острова, либо вообще человеческого рода. Во многих повествованиях мифологическим и сказочным персонажам даются моральные оценки: «скверный», «жестокый», «отважный», «добрый». Иногда такие оценки даются отдельным поступкам и побуждениям действующих лиц: «злое дело», «злой умысел».

Для наиболее архаических фольклорных повествований, как можно заключить по целому ряду публикаций, не характерны определения настроений, психических состояний действующих лиц (типа «ему грустно», «весело», «страшно»). Выразительность обычно достигается при помощи прямой речи, насыщенной междометиями. В полинезийских мифах и сказках прямая речь также выполняет эту функцию. Вместе с тем в них довольно многочисленны и непосредственные определения психических состояний героев. Особенно часто упоминаются стыд, страх, скорбь.

Неоднократно встречающийся мотив — самоубийство с горя об умершем супруге или родственнике, со стыда или раскаяния за совершенное преступление.

Необходимо, однако, отметить, что в некоторых текстах, как подчеркивает и М. С. Полинская, достаточно отчетливо проступает влияние христианской морали и европейских литературных вкусов. По-видимому, оно особенно заметно в тех повествованиях, которые были записаны со слов грамотных полинезийцев, владевших одним из европейских языков и сознательно стремившихся подражать европейской повествовательной традиции. Хотя бы отчасти на счет этого влияния можно отнести вкрапленные в полинезийские тексты моральные оценки и определения психических состояний. В отдельных, впрочем, достаточно немногочисленных случаях в излишней сложности, «литературности» речи можно, видимо, упрекнуть и переводчицу. Однако в целом достоинства перевода и подготовки текстов столь сильно перевешивают их недостатки, что несомненно этот сборник может рассматриваться в качестве образцового издания памятников устного народного творчества. Остается только пожалеть, что в это серийное издание нельзя было включить самостоятельные стихотворные произведения полинезийского фольклора: отдельные песенные вставки в фольклорных повествованиях показывают, что переводы поэтических текстов весьма удаются М. С. Полинской.

О. Ю. Артемова

Примечания

¹ Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981; Сказки и легенды маори (из собрания А. Рида). М., 1981.

² Мелетинский Е. М. Повествовательный фольклор народов Океании // Сказки и мифы Океании. М., 1970. С. 28.

³ Максимов А. Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири // Уч. зап. Ин-та истории. Т. 7. М., 1928; Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

⁴ Мелетинский Е. М. Указ. раб. С. 18.

⁵ Макконнел У. Мифы мункан. М., 1981.

⁶ Ср. Мелетинский Е. М. Указ. раб. С. 24.